

жашу».¹² Заключительные седьмая и восьмая части — «О добродетелях» и «О прегрешениях» снова возвращают нас к люллиевой «*Ars magna*» и соответствуют 55—72 и 73—90 главам девятой части.

Таким образом, построение «Великой науки» не является копией схемы Люллия и его комментаторов, а представляет собой продукт оригинального творчества автора.

Приводя мнения «толковников» Раймунда Люллия и ссылаясь на них (в тексте упомянуты имена «Валерия де Валерис, патрикия венецийского», «Хиенрика Корнилея Агриппы» и «славнейшего Афанасия Кирхера»; кроме того, в другом русском люллианском сочинении — «Риторике Раймунда Люллия» — упомянуты сочинения Иоганна Генриха Альштеда и «Иордана Бруна Холяна»), автор «Великой науки» в то же время следует лишь «согласующимся толковникам» и часто полемизирует с ними. Так, в начале пятой части «О существах», он пишет: «Часть сию Хиенрик Корнилей Агриппа и иннии нецзи толковники Раймунда Люллия первую частью в письменех своих сотворили против положения Раймундоваго» и далее отстаивает свою точку зрения на построение «науки».¹³ В другом случае автор еще более определенно противопоставляет себя комментаторам «великого учителя»: «О сей фигуре... мнози убо от толковников его своя пределения несогласныя учению его положиша со обличением один другого; которых аз ниже мирити, ниже укоряти хошу, но что в них мудрое, и науце Раймунда Люллия согласное, от многих толковников избравши, предложу».¹⁴

Оригинальна и форма подачи материала, не встречавшаяся в других «люллианских» сочинениях этой эпохи. Автор рассматривает свое сочинение прежде всего как учебное руководство, и, сознавая трудности усвоения сложной системы люллиевой логики и используемых в ней философских понятий, излагает переработанную им «науку» в виде вопросов и ответов: «Аще убо высокую науку необычно есть простым сочинением полагати, но аз, пользу паче учеников, нежели сочинение высокое почитаючи, науку сию разговором или беседою учителя со учеником предложу, бо еже оную удобнейше вняти и помнити искателем сея науки».¹⁵

Таким образом, построение и форма изложения «Великой науки», использование в ней как сочинений Люллия, так и произведений «толковников» свидетельствует о том, что перед нами оригинальный комментарий, который следует поставить в один ряд с другими памятниками европейской люллианской литературы XVI—XVII веков.

Если оригинальность «Великой науки» не вызывает сомнений, то гораздо труднее ответить на вопрос, является ли это сочинение произведением русского мыслителя или переводом неизвестного западного комментатора. Люллианская литература XVI—XVII веков достаточно обширна и очень слабо изучена; пока следует лишь отметить, что поиски латинского оригинала (в предположении, что «Великая наука» — перевод) не дали до сих пор никаких результатов.

В то же время в тексте «Великой науки» имеется ряд черт, свидетельствующих о приспособлении книги к русским условиям. Так, автор постоянно приводит русские меры веса, длины и объема: золотники, фунты, пуды; персты, пяди, четверти, аршины, сажени, версты; ложки, чарки, кружки, ведра, четверики. В качестве примера «великости чинов церковных» приводится в «Великой науке» патриаршество. Автор ссылается на прологи, жития святых, приводит русские пословицы: «доброта счастья, — пишет он, — паче

¹² Там же, лл. 3об., 259об.—260.

¹³ Там же, л. 207об.

¹⁴ Там же, л. 116 и 116об.

¹⁵ Там же, лл. 4об.—5.